

Ю. М. ШОР,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ (ИНТУИЦИЯ КАК ФОРМА ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ)

Мы живем в кризисное, переходное время, чреватое неожиданностями. Время, когда что-то сущностное меняется — меняется везде: в бытии, в космосе, в человечестве, в России, в нашей душе. Трансформируется вся историческая эпоха. В такие периоды обострения всего и вся появляется необходимость с «декартовой ясностью» заново обрести истину, построить светлый, отчетливый образ реальности и всех ее сторон, освежить в своей душе способность качественного различения подлинного и неподлинного, доброго и злого, прекрасного и безобразного.

Когда-то объективную классическую картину реальности Платона и Аристотеля сменил эллинизм: «истина — то, что доставляет мне удовольствие» (эпикурейцы); «истина — это моя атараксия, основанная на угадке судьбы» (стоики); «хотите истины — плюньте на искусственность культуры и цивилизации» (киники); «истина доступна только богам» (скептики). Но античность не уходит с ущемленной идеей субъективности правды — она порождает неоплатонизм с его великим учением об эманации Единого, о реальности и несомненности духовности высшего порядка. И наступает очередь Благой Вести, великой проповеди Христа.

Р. Декарт захотел увидеть Истину при помощи интеллекта. В чем суть декартова учения? Критерием истины, по Р. Декарту, как известно, выступает ясность видения, отчетливость восприятия, несомненность того, что открывает интуиция. Критерий, казалось бы, простой, но на самом деле он носит фундаментальный характер.

Наш мозг, как мы знаем, состоит из двух «половинок»: логическая, дискурсивная, рассудочная (жаждущая, как писал И. Киреевский, познания причин и следствий) и эмоциональная, интуитивная (образная и сердечная, связанная с непосредственным переживанием). Эти две «половинки» нашего мозга требуют разного типа доказательств: для первой доказать — означает построить непротиворечивую цепочку силлогизмов, создать систему теоретических аргументов; для второй — увидеть, ясно почувствовать, ощутимо пережить.

Казалось бы, перед нами чисто «субъективный» критерий, — чувствует и ощущает каждый по-своему. Но, как доказывает великая традиция религии, философии и искусства, он вполне объективный, ибо основан на несомненном и непосредственном «узрении» того, что наличествует в реальности. И Р. Декарт тут совершенно прав: доказательством верности, истинности интуитивного знания является ясность восприятия, аподиктическая достоверность увиденного. И это гораздо более точный критерий, чем «истина» пресловутого «дважды два — четыре».

Современная индустриальная научно-техническая, а далее постиндустриальная, электронно-компьютерная цивилизация пошла путем развития, прежде всего, логико-рассудочной, дискурсивной стороны нашего сознания. Она хочет вычислять, объяснять, познавать законы природы, чтобы применять их при создании искусственных технических и электронных конструкций.

Между тем вся огромная история творческих усилий человека, эволюция философского, религиозного, художественного мышления с очевидностью говорит нам о том, что гуманитарное знание движется принципиально иным путем, а именно: путем художественных озарений, образных ассоциаций, живых переживаний и расшифровки интуитивных прозрений, религиозных откровений.

Вспоминается знаменитый разговор старца Зосимы с «маловойской дамой» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»:

«— Как “доказать” бытие Бога, как убедиться в Его реальности среди полного неверия? — так поставила вопрос собеседница старца.

— Доказать тут нельзя ничего, — отвечает Зосима, — убедиться же возможно.

— Как? Чем?

— Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души Вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж, несомненно, уверуете, и никакое сомнение даже и не может зайти в Вашу душу. Это испытано, это точно»¹.

Увиденное умственным взором, услышанное внутренним ухом, почувствованное душой — вот критерий Истины в такого рода знании. И главным (хотя и достаточно небанальным!) доказательством тут выступает опыт тех, кому посчастливилось испытать это непосредственное соприкосновение с подлинным, точно так же, как доказательством наличия, например, настоящего искусства является живой духовно-творческий опыт тех, кто действительно является носителем реального художественного сознания, опыт признанных мастеров искусства.

Однако проблема интуиции — не конец, а начало. Во-первых, как минимум надо обладать интуицией, просто иметь в своей душе и в своем сознании такую специфическую способность видеть; во-вторых, как всякую способность, ее надо совершенствовать, разви-

вать, шлифовать, годами, десятилетиями вновь и вновь проверяя качество ее работы.

Но, как ни прискорбно, в «продвинутой» современной цивилизации интуиция оказалась на задворках проблемы познания. Более того, интуитивное познание уродуется, искажается, «затемняется» ложной идеологией. Помните повесть Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика»? Это — одно из загадочных произведений отечественной литературы. Как во всякой истинно художественной вещи, там сказано больше, чем может быть, хотел сказать сам автор. Там изображены ужасные люди и события, но взгляните «незамутненным взором» — все отрицательные персонажи по-своему милы, обаятельны, привлекательны, как будто они «ненастоящие»: прохиндей Юрка, «вор Шалапин», даже старик Яков... Все они составляют какую-то часть душевного мира Сережи Щербачева. На самой вершине — живой, остроумный, добрый (за исключением каких-то кризисных эпизодов), необычайно располагающий к себе «дядя». Но этот «привлекательный дядя» на самом деле оказывается немецким шпионом (!). Загадка повести в том, что наши непосредственные интуиции не совпадают с «идеологическим заданием» повести. Художественное сознание вступает в противоречие с ложными «идеологическими схемами». Не ложно, однако, другое — передача атмосферы страха, необходимости «быть начеку», атмосфера отовсюду грозящей человеку опасности, что и было главным духовным фоном 1930-х гг. в России эпохи сталинизма. И мы знаем, что в черновых вариантах повести отец Сережи «сел» не за растрату, а по политическому доносу.

Возьмем другой пример. Два замечательных русских мыслителя — Н. Чернышевский и Н. Бердяев. В условиях господства ложного мировоззрения, под бдительным устрашающим идеологическим надзором Н. Чернышевский виделся как великий мыслитель, передовой деятель революционно-демократического лагеря, предшественник марксизма, а Н. Бердяев — как «буржуазно-помещичий негодяй», реакционный религиозный идеалист. Теперь же, когда пелена насильственно навязываемого ложного мировоззрения спала, стало ясно очевидное: Н. Бердяев — выдающийся русский философ, подлинная энциклопедия русской религиозно-философской мысли, фигура, по сравнению с которой Н. Чернышевский — гораздо более мелкая величина как мыслитель, материалист и предвостанитель утилитарно-прагматического мировоззрения. Впрочем, о нем так и писали в литературе, которая в советские времена объявлялась «идеологически вредной».

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 52.

Традицию интуитивного знания обстоятельно и с необычайной интеллектуальной глубиной разрабатывала русская философия, прежде всего, религиозного плана: В. Одоевский, А. Хомяков, И. Киреевский, П. Юркевич, В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, И. Ильин, А. Лосев, а позже и по-своему — М. Бахтин, М. Лифшиц, Г. Батищев, Э. Ильенков, М. Мамардашвили и др. Каковы же основные уроки русского философского интуитивизма?

1. Русский интуитивизм возник на основе православного религиозного исихазма — великой школы веры, цельного мировоззрения, собранного вокруг единого духовного центра. Этот исихазм, трансформированный реформами Петра I, но сохранивший свою энергетическую мощь, был затем «распахан» художественными образами XIX в. (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Глинка, Брюллов, Тютчев, Некрасов, Чайковский, Толстой, Достоевский, Скрябин, Блок и др.). И уже на базе религиозно-художественного постижения вырастают великие системы русского философского сознания.

2. Интуиция видится как исходная, изначальная духовная форма, из которой вырастает потом научное, художественное, философское, нравственное познание, все способы интеллектуального постижения реальности.

3. В отличие от западноевропейского понимания интуиции как создающей адекватный образ окружающего мира, русский интуитивизм видит в ней живую связь сознания с реальностью как она есть, непосредственный контакт с действительностью, выражающий изначальную «сращенность» человека и мира, микрокосмоса и макрокосмоса.

4. Интуиция пропитана токами веры, понимания, соучастия человека во всем строе бытия, его любовной связи с ним, его нравственной обремененности заботами и тревогами реального мира.

Сегодня нам необходимо вновь погрузиться в эту традицию, вчитаться и вдуматься в нее, расчистить «авгиевы конюшни» неверных представлений, увидеть все свежим, незамутненным взором.